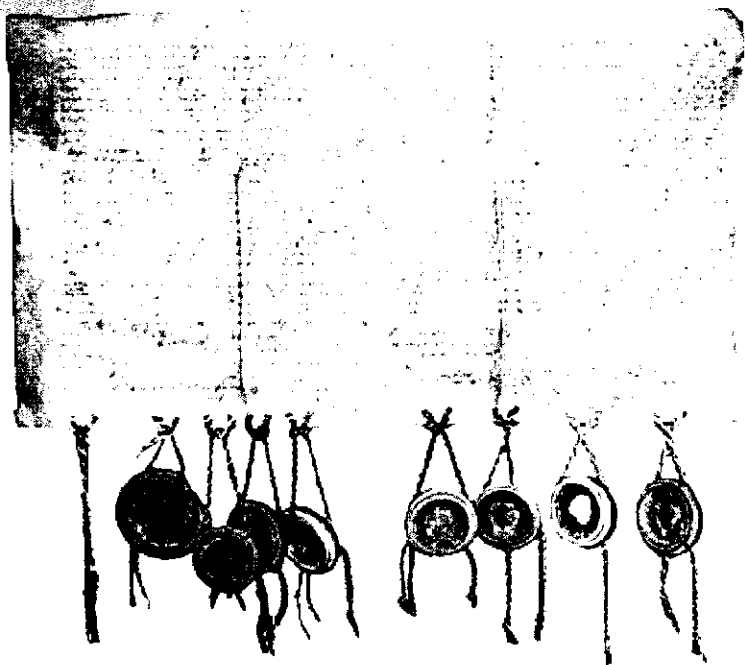

Сборник научных статей

**РАЗВИТИЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПОДГОТОВКА
КАДРОВ ИСТОРИКОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ,
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША**

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

РАЗВИТИЕ
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПОДГОТОВКА
КАДРОВ ИСТОРИКОВ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ,
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И РЕСПУБЛИКЕ ПОЛЬША

Сборник научных статей

Гродно
ГрГУ им. Я. Купалы
2012

УДК 94:378(476)(47)(438)(08)

ББК 63

Р17

Рекомендовано Советом факультета истории и социологии
ГрГУ им. Я. Купалы.

Редколлегия:

А.Н. Нечухрин (гл. ред.), Е.Н. Мелешко, Н.В. Колосовская, В.Н. Бутыко.

Рецензенты:

Гайрусевич С.А., кандидат философских наук, профессор;

*Чикалова И.Р., доктор исторических наук, профессор
(БГПУ им. М. Танка).*

Под научной редакцией доктора исторических наук,
профессора *А.Н. Нечухрина.*

Р17

Развитие методологических исследований и подготовка кадров историков в Республике Беларусь, Российской Федерации и Республике Польша: сб. науч. ст. / ГрГУ им. Я. Купалы: редкол.: А.Н. Нечухрин (гл. ред.) [и др.]; под науч. ред. А.Н. Нечухрина. Гродно: ГрГУ, 2012. – 335 с.

ISBN 978-985-515-510-3

Рассмотрены инновационные направления развития исторической науки: историческая антропология, новая локальная история, устная история, гендерная история, их инструментарии, уровни развития в Беларуси, России, Польше. Излагаются вопросы, связанные с анализом теоретико-методологического фундамента исторической науки. Уделено внимание современным технологиям в преподавании истории и подготовке кадров историков в Беларуси, России, Израиле, в том числе кадров высшей научной квалификации. Представлено научное наследие ряда ученых, оказавших серьезное влияние на формирование теоретической базы науки. Адресуется специалистам в области истории и этнологии, преподавателям высших и средних учебных заведений, аспирантам, магистрантам и студентам, а также всем, кто интересуется историей и проблемами, стоящими перед современной исторической наукой.

УДК 94:378(476)(47)(438)(08)
ББК 63

с. Учреждение образования
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы, 2012

ISBN 978-985-515-510-3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Современные трансформационные процессы в обществе не обошли стороной историографию. В условиях глобализации наука приобретает черты единого интеллектуального пространства и достижения ученых в отдельных странах быстро становятся общим достоянием. Не случайно проблемы, связанные с престижем исторической науки и профессии историка в обществе, методологическим переоснащением историографии, подготовкой кадров специалистов-историков объединяют ученое сообщество. Стремясь поделиться опытом, укрепить интеграционные связи исследователей различных стран, авторы сборника обратились к вопросам, актуальным для современной историографии. Сборник объединяет ученых Беларуси, России, Польши, Израиля и Украины, что уже свидетельствует об общности их научных интересов.

В сборнике рассмотрен целый ряд проблем, представляющий широкий интерес как для исследователей и преподавателей вузов, так и для студентов, магистрантов и аспирантов. Авторы статей представили свои суждения об инновационных направлениях в исторической науке, таких как историческая антропология, новая локальная история, устная история, экономическая история, гендерная история, их инструментарии, уровни развития в Беларуси, России, Польше. Рассмотрен ряд вопросов, связанных с анализом теоретико-методологического фундамента исторической науки: проблема истины в истории, принципы исторического исследования, исторический факт.

Авторы уделили должное внимание современным технологиям в преподавании истории. Важное место заняли проблемы подготовки кадров историков в Беларуси, России, Израиле, в том числе кадров высшей научной квалификации. Не оставлено без внимания научное наследие целого ряда ученых, оказавших серьезное влияние на формирование теоретической базы нашей науки: Н.М. Карамзина, О.М. Медушевской, Е. Топольского. Дан историографический анализ зарубежного белорусоведения, а также целого ряда конкретно-исторических вопросов, актуальных для развития научного знания.

Представленные в сборнике материалы могут быть использованы в преподавании курсов теории и методологии истории, историографии, методике преподавания истории. Редколлегия надеется, что сборник научных статей будет способствовать обогащению теоретико-методологического арсенала исторической науки и повышению уровня подготовки специалистов-историков в Республике Беларусь.

А.Н. Нечухрин

дзенай умовы з'явіцца магчымасць грунтоўна і аб'ектыўна адностравачь рэчаіснасць і прэтэндаваць на нейкую канкрэтнасць ісціны. Не вызначаны тэрмін «беларускі нацыянальны рух», адсутнічае алгарытм выкарыстання публікацый эміграцыйнай, савецкай гістарыяграфіі, але існуюць зняважлівыя адносіны да папярэдняй спадчыны па тэме. Вельмі часта даследаванні, якія прэтэндуюць на навуковасць, не здольны пазбегнуць традыцыйнага ацяянення ўсяго «несавецкага» з «варожым». Айчынная метадалогія не мае напрацовак па грунтоўнаму вызначэнню ўплыва на працу яе аўтара, не выкарыстаны сродкі, якія дазваляць зразумець ролю асобнай постаці на мінулае. Нашы вучоныя толькі эпізадычна карыстаюцца дасягненнямі замежнай гістарыяграфіі, і ў пераважнай большасці здольны толькі пералічыць асноўныя яе прычыны. Адным з недахопаў сучаснай навукі з'яўляецца традыцыйны погляд на несавецкі рух як аб'ект уздзеяння іншых плыняў, а не самастойны суб'ект мінулага.

Аднак немагчыма не прызнаць, што сучасныя даследчыкі за апошнія 20 год значна пашырылі і ўзбагацілі метадалагічны апарат айчынай навукі.

Спіс літаратуры

1. Бубноў, А.В. Адлюстраванне дзейнасці беларускіх калабаранцаў ініцыятыў на акупіраванай тэрыторыі Беларусі ў працах прадстаўнікоў замежнай гістарыяграфіі / А.В. Бубноў // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. Сер. І. Гуманітарныя навукі. – 2010. – № 1. – С. 12 – 22.
2. Ёрш, С. Вытокі беларускага насильваецнага антыбольшавіцкага ўзброенага руху / С. Ёрш. – Режим доступа: http://baj.by:80/belkalchium/index_bel.htm. – Дата доступа: 07.07.2008.
3. Каваленя, А.А. Метадалагічныя падыходы асветлення навішай гісторыі Рэспублікі Беларусь / А.А. Каваленя // Новейшая история (1991 – 2006 гг.): государство, общество, личность: материалы науч.-теорет. конф. (Минск, 29 сент. 2006 г.) / Нац. акад. наук Беларусі. – Минск: Белорус. наука, 2006. – С. 78 – 84.
4. Каваленя, А.А. Прагерманскія саюзы моладзі на Беларусі, 1941 – 1944. Вытокі. Структура. Дзейнасць / А. Каваленя. – Минск: БДПУ імя М. Танка, 1999. – 260 с.
5. Туронак, Ю. Людзі СБМ / Ю. Туронак. – Вільня: Gudas, 2006. – 224 с.
6. Gomółka, K. Białorusini w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka. – Gdansk: Politechnika, 1992. – 178 s.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Рейна Л.П. (г. Москва, Россия). Новые исследовательские стратегии и преподавание методологии истории в российских университетах.....	4
Румянцова М.Ф. (г. Москва, Россия). История как строгая наука в концепции О.М. Медушевской.....	13
Маловичко С.И. (г. Москва, Россия). Новая локальная история в актуальном гуманитарном знании.....	20
Вагаński J. (Kraków, Polska). Koniec etnologii czy koniec wieku etnologii – garść wróżb u progu nowego wieku.....	27
Libera Zb. (Kraków, Polska). Historia i kultura – problemy antropologii kulturowej i antropologii historycznej.....	49
Сидорюв В.Н. (г. Минск, Беларусь). Теоретико-методологический парадокс в отечественной историографии.....	56
Рамазанов С.П. (г. Волжский, Россия). Формирование системы методологических принципов исторического познания.....	63
Карев Д.В., Змитрукевич А.А., Карева А.Д. (г. Гродно, Беларусь). Зарубежное белорусоведение в странах Западной Европы и Северной Америки (историографические и методологические аспекты проблемы).....	67
Нечухрин А.Н. (г. Гродно, Беларусь). Формирование центра историографических исследований в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы.....	76
Беленькая Л.Л. (г. Тель-Авив, Израиль). Особенности, проблемы и перспективы подготовки специалистов-историков в вузах Израиля.....	84
Синяков С.В. (г. Киев, Украина). Методология институционализма в экономической истории.....	92
Лепешко Б.М. (г. Брест, Беларусь). Категория «историческая правда»: методологическое статус-кво и методологические перспективы.....	98
Пивоварчик С.А. (г. Гродно, Беларусь). Методологические проблемы изучения памятников «architectura militaris».....	104
Смирнов В.В. (г. Гомель, Беларусь). Методология применения категорий «исторический опыт», «урок истории», «закон» (закономерность), «социальная революция» в историографии.....	109
Стрелец М.В., Коршак М.А. (г. Брест, Беларусь). Михаил Семёнович Корзун: портрет учёного и педагога.....	113
Куль-Сяльверстава С. (г. Гродно, Беларусь). Роль рэдукцыі дат у гістарычных даследаваннях.....	118

Черенца В.Н. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Осмысление исторического факта в русской исторической науке второй половины XIX – начала XX веков: Н.Ф. Дубровин.....	130
Васюк Г.В. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Перспективы устной истории в Республике Беларусь.....	139
Балыкина Е.Н., Бригадина О.В., Луферчик Е.Г., Москалев Д.В., Чурило В.Д. (<i>г. Минск, Беларусь</i>). Проектирование и применение электронных средств обучения в профессиональной подготовке историков на историческом факультете Белорусского государственного университета.....	143
Телпень С.В. (<i>г. Мозырь, Беларусь</i>). Антикочевенне в системе исторического образования Республики Беларусь.....	150
Бадюкова Т.А. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Опыт преподавания новейшей истории межвоенного периода.....	156
Мартен М.В. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Роль междисциплинарных связей в отражении многомерности исторического процесса.....	162
Устюгова А.Г. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Роль курсов по истории стран Азии и Африки в формировании научного мировоззрения современного студента.....	165
Мелешко Е.И. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Историческая антропология как средство преодоления кризиса исторической науки.....	173
Бадюкова Т.А., Балаш Е. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Информационное научно-образовательное пространство в процессе обучения студентов.....	187
Ширко Л.Ф. (<i>г. Барановичи, Беларусь</i>). Системный и комплексный подходы как методы историографического исследования.....	192
Валюлик В.В. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). «Исторический факт» в понимании Ежи Топольского.....	199
Заневский С.В. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Использование метода контент-анализа в исследовании истории белорусско-украинской аристократии (вторая половина XVIII – XIX вв.).....	204
Иокелло А.И. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Освещение проблемы гендерного подхода в белорусской историографии.....	210
Тубелевич В.И. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). История христианских конфессий Великого княжества Литовского в российской историографии конца XVIII – 50-х гг. XIX вв. (историографический и методологический аспекты).....	215
Белазаровіч В.А. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Уплыў рамантызму на гістарычную думку Беларусі першай паловы XIX ст.	219
Кручковский Т.Т. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Падзенне Речи Посполитой в оценке Н.М. Карамзина.....	225
Кручковский Т.Т., Хидюга В.А. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Польские источники в историческом творчестве Н.М. Карамзина.....	232

Ягнешка Н.Л. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Падрыхтоўка настаўнікаў гісторыі ў Рэспубліцы Беларусь (1991 – 2007 гг.).....	247
Грысь С.М. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Гістарыяграфічныя праблемы пры даследаванні аграрнага пытання ў гісторыі Заходняй Беларусі.....	253
Астрога В.М. (<i>г. Минск, Беларусь</i>). Перыядызацыя і тэматычнае поле гісторыка-педагагічных даследаванняў стану народнай адукацыі і настаўніцтва Беларусі ў другой палове XIX – пачатку XX стст.	259
Елизаров С.А. (<i>г. Гомель, Беларусь</i>). Методология научного исследования истории административно-территориального деления БССР.....	265
Носова А.А. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Проблема репатриации советских граждан в освещении современной белорусской историографии.....	270
Демидович А.В. (<i>г. Барановичи, Беларусь</i>). Историография ренессансной культуры Великого княжества Литовского в российской дореволюционной исторической науке.....	274
Ярашук М.В. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Метадалагічныя падыходы да вывучэння мемуарнай літаратуры і іх рэалізацыя ў дачыненні да крыніц па гісторыі Беларусі першай паловы XIX ст.	280
Смирнова Е.Д. (<i>г. Минск, Беларусь</i>). Повседневная история средневековья и методы её исследования.....	287
Кітурка І. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Навел Урбан аб праблеме вывучэння гісторыі Беларусі ў БССР: погляд беларускай эміграцыі.....	293
Буцько В.Н. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Устная история в гендерных исследованиях (на примере истории Великой Отечественной войны).....	298
Балыкина Е.Н., Приборович А.А. (<i>г. Минск, Беларусь</i>). Компьютерная дидактическая игра как компонента современных педагогических технологий.....	303
Тохиан Т.М. (<i>г. Брест, Беларусь</i>). Методология исследования периода становления белорусской государственности (1917 – 1922 гг.) в советской и постсоветской историографии.....	313
Улейчик Н.Л. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Факультет истории и социологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы: этапы пройденного пути.....	318
Минич А.П. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Основные проблемы развития демографической истории в российской историографии 90-х гг. XX – начала XXI вв.	324
Бубноў А.В. (<i>г. Гродно, Беларусь</i>). Метадалагічныя праблемы даследавання беларускага нацыянальнага руху (1925 – 1953 гг.) у сучаснай айчынай гістарыяграфіі.....	329

подходах и методах социальных и гуманитарных наук, обладающих высоким познавательным потенциалом для исследования исторических явлений и процессов. Проанализирован опыт применения междисциплинарных методов в исторических исследованиях, выполненных в историко-антропологическом ключе.

Какие реальные шаги для расширения возможностей овладения междисциплинарными подходами следовало бы предпринять в университетском историческом образовании?

Во-первых, нужно развивать сложившуюся в последние годы практику расширения числа направлений магистратуры за счет введения в номенклатуру специализации сложных объектов исследования (специализации по истории идей и интеллектуальной истории, исторической политологии, исторической социологии, исторической антропологии, исторической культурологии и др.).

Во-вторых, больше места в подготовке историка должны занимать дисциплины, чьи предметные поля пересекаются с историей, и их изучение должно идти не на уровне элементарных курсов, а на уровне семинаров, практикумов, специальных курсов.

В-третьих, в значительной мере методологические проблемы должны рассматриваться в курсе истории исторического знания (истории историографии). В том числе, с новыми подходами – в парадигме компаративной историографии, или истории исторической культуры.

Лекционные курсы в их традиционной форме все более становятся анахронизмом, во многом благодаря тому, что в настоящее время значительно улучшилось обеспечение студентов учебными пособиями. Роль лекционных курсов в рамках новых стандартов уменьшается за счет увеличения специальных курсов, имеющих научно-исследовательскую направленность, что особенно важно для повышения эффективности преподавания методологических дисциплин.

Важнейший вопрос: может ли в принципе транслироваться теоретическое знание и как? Ведь без теоретического мышления теоретическое знание невозможно. В отличие от эмпирического (формального) обобщения, дающего возможность классифицировать предметы, теоретическое обобщение связано с выделением всеобщего основания, определяющего собой некоторую анализируемую систему предметов и позволяющего проследить связь между ними внутри всей системы.

Данная связь фиксируется в теоретических понятиях, которые представляют собой содержательное наполнение теоретических знаний. Ключевой момент усвоения теоретических знаний – введение обучаемого в процесс генезиса теоретических понятий.

Прежде всего, теоретическое знание – это не наборы устоявшихся теорий, которые можно «вспомнить», «взять» и «перенести». Понятия, схемы, модели могут «приходить» из разных учений, но соединение их в целостную конструкцию происходит в сознании конкретного мыслящего

лица в силу конкретно его мыслительных усилий в актуально наличной коммуникативной ситуации.

Введение в генезис понятия предполагает, что учащийся начинает осваивать мыслительное действие, стоящее за этим понятием, воспроизводя в своей мыслительной деятельности реальный исторический процесс возникновения теоретических понятий, т.е. воспроизводя зафиксированное в знаковой конструкции определенное мыслительное состояние в некоторой коммуникативной ситуации. В этом плане важную роль призвана сыграть интеллектуальная история, в методике преподавания которой такой контекстуальный подход занимает центральное место⁸.

М.Ф. Румянцева

ИСТОРИЯ КАК СТРОГАЯ НАУКА В КОНЦЕПЦИИ О.М. МЕДУШЕВСКОЙ

Одной из проблем, неизменно сохраняющих свою актуальность, является проблема научных оснований исторического знания. Обычно она рассматривается в сопоставлении с основаниями знания естественнонаучного, «научность» которого, как будто, не подлежит сомнению.

Специальный интерес к проблеме обоснования строгой научности исторического познания проявляла Ольга Михайловна Медушевская (1922 – 2007). Задача настоящего исследования – проследить становление концепции истории как строгой науки в творчестве О.М. Медушевской, обосновав, с одной стороны, преемственность с эпистемологической парадигмой русской версии неокантианства, и, с другой стороны, выявив ее принципиальную новизну и оригинальность [9].

Рассматриваемая концепция по-своему парадоксальна: двигаясь от неокантианства рубежа XIX – XX вв., постоянно развивая и интерпретируя идеи именно этого направления в методологии гуманитарного знания, О.М. Медушевская пришла к полному размежеванию с нарративистской логикой исторического познания, которая «опирается на многовековую традицию и в новейшее время идентифицирует себя с философией уникальности и идиографичности исторического знания, исключающего перспективу поиска закономерности и видящего организующий момент такого знания лишь в ценностном выборе историка как познающего субъекта» [9, с. 15 – 16], и к формированию концепции когнитивной истории, понимаемой как строгая наука.

Здесь следует отметить, что О.М. Медушевская понятия «наука» и «строгая наука» рассматривала как синонимы [7, с. 17], но считала, что

⁸ Именно в этом ключе кафедрой теории и истории гуманитарного знания Института филологии и истории ГрГУ была разработана магистерская программа «История идей и интеллектуальной культуры».

данное терминологическое уточнение необходимо, поскольку, начиная с конца XIX в., прослеживается устойчивое противостояние научности наук естественных и гуманитарных, что в современной историческом знании выражено как противостояние парадигмы нарративной логики и парадигмы строго научного знания.

На мой взгляд, концепция О.М. Медушевой должна вызвать особое внимание в актуальной социокультурной и познавательной ситуации, специфику которой я вижу в том, что раздающиеся на самом высоком уровне призывы к борьбе против фальсификации истории означают, все же, не стремление превратить историю в строгую науку, как можно было бы подумать, а скорее наоборот – стремление к новой идеологизации. Сразу же оговорюсь – эта оговорка необходима, в первую очередь, для людей старшего поколения, у которых слово «идеология» вызывает стойкую идиосинкразию, – что я не вижу в этом стремлении негативного смысла, и в отличие от О.М. Медушевой – последовательного борца за «точность» и «строгость» исторического знания – считаю, что социуму необходимо как научно ориентированная, так и социально-ориентированная история.

Все же невозможно не согласиться с О.М. Медушевой, что «адекватная повседневному историзму массового сознания», «неотделимая от массового повседневного исторического сознания» [9, с. 15 – 16] парадигма нарративной логики, по-прежнему распространена более широко, а парадигма истории как строгой науки еще только должна быть востребована социумом в полной мере.

Для того, чтобы понять траекторию движения научной мысли О.М. Медушевой от аксиологически ориентированной логики неокантианства к концепции истории как строгой науки, необходимо особо подчеркнуть специфику его русской версии. Неокантианскую эпистемологию исторического познания в России традиционно и вполне справедливо связывают с именем А.С. Лаппо-Данилевского – автора специального труда по теории исторического познания [4]. Но философские основы этого подхода были заложены еще А.И. Введенским, который, специально изучая вопрос о «пределах и признаках одушевления», пришел к выводу, что «душевная жизнь не имеет никаких объективных признаков...», «... наблюдать саму чужую душевную жизнь мы не можем, а должны лишь заключать об ней по ее внешним, материальным, то есть, объективным обнаружениям...» [1, с. 7]. Именно эта идея впоследствии была развита А.С. Лаппо-Данилевским в целостное учение об исторических источниках.

Не будем здесь оспаривать идентификацию, в том числе и самоидентификацию, этого направления как неокантианского, но отметим, что признанный классик баденской школы неокантианства Г. Риккерт осознанно уходил от определения объекта исторического познания и видел направление поиска специфики истории в выявлении особой, идиографической, логики исторического исследования. Г. Риккерт начинает свои рас-

суждения о философии истории с утверждения: «логика истории является исходным пунктом и основой всех философско-исторических рассуждений вообще» [13, с. 155].

Итак, системообразующее значение в методологии истории А.С. Лаппо-Данилевского имеет источниковедение – учение об историческом источнике, понимаемых как «реализованный продукт человеческой психики, пригодный для изучения фактов с историческим значением» [4, т. 2, с. 38]. На реализованность (объективированность), но в рамках чисто философской (философско-антропологической) концепции, обращал внимание и А.И. Введенский. На наш взгляд, часто встречающееся определение концепции А.С. Лаппо-Данилевского как сугубо теории источниковедения крайне некорректно. Это именно методология истории, и шире – оригинальная концепция эпистемологии гуманитарного познания, имеющая сильную философско-антропологическую составляющую [8].

Таким образом, мы фактически имеем два разных ответа на эпистемологический вызов рубежа XIX – XX вв., два разных способа обоснования специфики исторического знания (через выявление специфики идиографической логики – Г. Риккерт и через выявление специфики объекта – исторического источника, понимаемого как результат объективации человека, – А.И. Введенский, А.С. Лаппо-Данилевский) и, соответственно, две разные судьбы этого эпистемологического направления в XX в. Если немецкое неокантианство постепенно сходит на нет, то концепция А.С. Лаппо-Данилевского получает свое развитие в Научно-педагогической школе источниковедения историко-архивного института, концептуализация теоретических оснований этой школы на протяжении второй половины XX – начала XXI в. связана с именем О.М. Медушевой [3; 11], которая восприняла эту концепцию через своего учителя Александра Игнатьевича Андреева [6], одного из лучших учеников А.С. Лаппо-Данилевского.

Конечно, при безусловном господстве «материалистической» «марксистско-ленинской» концепции исторического процесса и исторического познания в условиях советской идеологизации, возможности для развития направления, восходящего к «идеалистической» «буржуазной» концепции А.С. Лаппо-Данилевского, были весьма ограничены. Но акцент на исторический источник позволил развивать это направление в рамках источниковедения – одной из основ подготовки историков-архивистов в созданном в 1930 г. Историко-архивном институте, специальной задачей которого и была подготовка высококвалифицированных специалистов для работы с источниками ретроспективной информации.

На протяжении нескольких десятилетий – периода, маркируемого выходом учебников по источниковедению, подготовленных кафедрой источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин [2; 12; 16], – Научно-педагогическая школа источниковедения занималась, по преимуществу, разработкой видовой структуры корпуса исторических источников [3], то есть двигалась по намеченному А.С. Лаппо-Данилевским пути

выявления специфики объекта исторического познания. Теперь объект не сводился к историческому источнику, а понимался как система исторических источников, видовой структура которой целостно и точно презентует структуру соответствующей культуры, и что чрезвычайно важно в новой социокультурной и связанной с ней теоретико-познавательной ситуации – дает строгий критерий для компаративного исследования разных культур [15, с. 189 – 317].

Концептуализация теоретических оснований Научно-педагогической школы источниковедения в творчестве О.М. Медушевской органично сочеталась с исследованиями по истории источниковедения и, в целом, по истории исторического метода. Это было действительно органичное сочетание, поскольку исследование имеющегося эпистемологического опыта служило не только отправной точкой дальнейших рассуждений, но и позволяло самоопределиваться в обширном теоретико-познавательном пространстве XX в.

В этом плане любопытны оригинальные размышления О.М. Медушевской об одном из аспектов кризиса позитивизма, который в конце XIX в. во многом воспринимался как кризис научности исторического знания, что и заставило, в частности, неокантианцев обратиться к поиску оснований иной, не универсальной, научности. О.М. Медушевская обращает внимание на то, что первые учебники исторического метода (Ш.-В. Ланглюа – Ш. Сеньобос, Э. Бернгейм) появляются на волне позитивизма, и задается вопросом: «Почему «знаменитые формулы» позитивизма стали в глазах последующего поколения символом того, с чем следует бороться, а следовательно – стали тормозом для развития новой исторической науки» [7, с. 17]. И находит ответ: «Введения в историческую науку» обозначили пространство для формирования нормативной, по существу логической дисциплины о способах исторического изучения. Но это не было сделано на теоретической, метадисциплинарной основе. Авторы этих работ, в соответствии со своими позитивистскими представлениями, не задавались вопросом онтологического характера. В поле их зрения находились «тексты», объективные остатки реальности, и соответственно формулировались нормы и правила обращения с ними». При этом: «Стабильность и общедоступность соответствующих объемов информации и создает возможность выведения за пределы внимания профессионала таких аспектов ремесла историка, как проблемы поиска информации, выбора источников, выбора ценностных ориентаций. И злоупотребление нормативов профессиональной деятельности возможно при этом начинать прямо с выбора темы и сосредотачивать главное внимание уже на нормативах научной критики и интерпретации текстов. Вызов новейшего времени, вызов глобальной истории изменил это положение. Глобальная история – это история не одной и уже изученной культуры, но многих других культур... следовательно, встает вопрос об иных информационных пространствах» [7, с. 17].

В этом плане размышления О.М. Медушевской вполне созвучны размышлениям классиков цивилизационного подхода, то есть того направления, которое и призвано было преодолеть узость национально-государственного историописания и расширить «умоистощаемое поле истории» (выражение А.Дж. Тойнби). О. Шпенглер, отстаивая право автора на субъективность, пишет: «Мыслитель – это человек, который призван символически изобразить эпоху, как он ее видит и понимает. Он лишен какого-либо выбора. Он мыслит так, как ему должно мыслить, и истинным, в конце концов, является для него то, что родилось с ним как картина его мира. Он не избирает ее, а открывает в себе» [18, с. 124].

С иных позиций рассуждает на эту тему английский историк. Констатируя, что «налицо явная тенденция недооценивать исторические работы, написанные одним человеком...», которому удается подняться над национальной историей [17, с. 15 – 16], А.Дж. Тойнби видит причину этого, в частности и в том, что для историков «эпохи индустриализма» (фактически – позитивизма) «исходный материал являл собой некую устойчивую национальную данность. Самыми богатыми «залежами», которые... приходилось разрабатывать, были открытые для общестественности архивы западных правительств» [17, с. 19]. Но если, О. Шпенглер, поставив задачу выявления «морфологии мировой истории», на мой взгляд, не справился в строго логическом плане с ее решением и рассуждал о противоположности «физиогномики» и «систематики», то Научно-педагогическая школа источниковедения нашла способ выявления такой «морфологии» через видовую структуру корпуса исторических источников той или иной культуры.

Продолжая движение в направлении обоснования истории как строгой науки на основе, в первую очередь, разработки концепции объекта исторического познания, О.М. Медушевская формулирует понятие «эмпирическая реальность исторического мира» как предельного и всеобъемлющего объекта исторического познания и шире – постижения феноменов человека и общества в их исторической и коэксистенциальной составляющей [10].

Формулируя универсальные критерии научности, О.М. Медушевская пишет: «Существует проблема – история может быть наукой в том случае, если: 1) она имеет реальный, доступный для повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект; 2) наука история должна опираться на данные такого объекта, который охватывал бы человечество в целом (исторический процесс), без чего установка на выявление общечеловеческих универсалий не будет обладать репрезентативным значением; 3) это реальный, существующий на всем протяжении исторического процесса объект должен отвечать главному условию, выражать системообразующее свойство феномена человека» [9, с. 10].

Первые два критерия были уже разработаны в теории источниковедения: исторический источник, в силу своей объективированности, пред-

ставляет именно «стабильно существующий объект», а разработанное О.М. Медушевской понятие «эмпирическая реальность исторического мира» конструирует такой объект, который охватывает все человечество в его как исторической, так и коэволюционной составляющей. На этой стадии разработки концепции О.М. Медушевская специально уделяет феномену человека [9, с. 19 – 67].

Отталкиваясь от свойственного всем живым системам качества информационного обмена, О.М. Медушевская пишет: «Особенность информационного обмена, характерная прежде всего для человека, состоит в том, что человек имеет возможность не только использовать в качестве дополнительного информационного ресурса свою память (соотносимую с непосредственным наблюдением), но и информацию в ее сохраненном, стабильном, овеществленном виде. Различие живой информации и информации сохраненной является весьма существенным, поскольку именно данная способность для понимания природы феномена индивида и социума становится системообразующей» [9, с. 28].

Автор фиксирует внимание на особенности феномена именно человеческой памяти – «способности удерживать личный опыт в фиксированном состоянии определенное время и затем вновь активизировать его» [9, с. 32]. И приходит к выводу о той специфике информационного обмена в человеческом обществе, которая, собственно, и является предпосылкой исторического процесса: «Обладая информационными возможностями высокоорганизованной биологической системы, человек имеет от нее существенное качественное отличие, которое делает его информационный обмен уникальным. Это отличие состоит в том, что человек способен к целенаправленной деятельности по созданию культурных объектов. В них он фиксирует информационный ресурс, который, уже в виде вещи, в виде объекта, можно затем хранить неопределенно долгое время. Человек может не только фиксировать информационный ресурс, но и раскодировать эту информацию, включая ее снова в процесс своей целенаправленной деятельности» [9, с.33].

Таким образом, О.М. Медушевская, отталкиваясь от понимания исторического источника как реализованного (объективированного) результата человеческой деятельности, в своей основе сформулированного в русской версии неокантианства, пришла к понятию «эмпирическая реальность исторического мира», связав его с имманентными свойством человека как субъекта истории, с базовыми характеристиками информационного обмена в человеческом обществе. Принципиально новым на этом уровне концептуализации истории как строгой науки является специальное внимание О.М. Медушевской к феномену человека, что усиливает философско-антропологическую и онтологическую составляющие концепции, разработка которой началась всецело в пространстве эпистемологии.

Конечно, концепция О.М. Медушевской требует дальнейших исследований и, в первую очередь, с точки зрения ее соотношения с иными со-

временными теоретико-познавательными концепциями и, особенно, с историческими теориями и интерпретационными схемами среднего уровня.

Список литературы

1. Введенский, А.И. О пределах и признаках одушевления: Новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики / А.И. Введенский. – СПб., 1892. – 119 с.
2. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории: учеб. пособие / И.И. Данилевский, В.В. Кабанов, О.М. Медушевская, М.Ф. Румянцев. – М.: РГГУ, 1998. – 702 с.
3. Казаков, Р.Б. Научно-педагогическая школа источниковедения в актуальной социокультурной ситуации / Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцев // История [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mes.igh.ru/magazine/content/pedagogicheskaya_shkola_istochnikovedeniya.html.
4. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории / А.С. Лаппо-Данилевский. – М.: РОССПЭН, 2010. – 2 т.
5. Маловичко, С.И. Историописание: научно ориентированное vs социально ориентированное / С.И. Маловичко // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: материалы XXII Междунар. науч. конф. (Москва, 28 – 30 янв. 2010 г.). – М.: РГГУ, 2010. – С. 21 – 28.
6. Медушевская, О.М. История науки как динамический процесс: К 120-летию со дня рождения А.И. Андреева / О.М. Медушевская // Вестник РГГУ. Сер. Исторические науки. – М., 2008. – № 4. – С. 312 – 328.
7. Медушевская, О.М. Методология истории как строгой науки / О.М. Медушевская // Точное гуманитарное знание: традиции, проблемы, методы, результаты: тез. докл. и сообщений науч. конф. (Москва, 4 – 6 февр. 1999 г.). – М.: РГГУ, 1999. – С. 15 – 23.
8. Медушевская, О.М. Методология истории как строгой науки / О.М. Медушевская // Методология истории. – М., 2010. – Т. 1. – С. 23 – 84.
9. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. – М.: РГГУ, 2008. – 358 с.
10. Медушевская, О.М. Эмпирическая реальность исторического мира / О.М. Медушевская // Вспомогательные исторические дисциплины – источниковедение – методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX междунар. науч. конф. (Москва, 31 янв. – 2 февр. 2008 г.): в 2 ч. – М.: РГГУ, 2008. – С. 24 – 34.
11. Научно-педагогическая школа источниковедения Историко-архивного института: сборник / сост.: Р.Б. Казаков, М.Ф. Румянцев; отв. ред. В.А. Муравьев. – М.: РГГУ, 2001. – 227 с.
12. Никитин, С.А. Источниковедение истории СССР XIX в. (до начала 90-х годов) / С.А. Никитин. – М.: Соцгиз, 1940. – 227 с.
13. Риккерт, Г. Философия истории / Г. Риккерт // Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт. – М.: Республика, 1998. – С. 129 – 204.
14. Румянцев, М.Ф. Концепция человека в структуре теории когнитивной истории О.М. Медушевской / М.Ф. Румянцев // Национальный/социальный ха-

ракти: археология идей и современное наследие: материалы всерос. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 103 - 104.

15. Румянцева, М.Ф. Теория истории: уч. пособие / М.Ф. Румянцева. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 319 с.

16. Тихомиров, М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. / М.Н. Тихомиров. – М.: Соцгиз, 1940. – 256 с.

17. Тойнби, А.Дж. Постигание истории / А.Дж. Тойнби. – М.: Прогресс, 1991. – 736 с.

18. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории / О. Шпенглер. – М.: Мысль, 1993. – Т. 1. *Генштаб и действительность*. – 667 с.

С.И. Маловичко

НОВАЯ ЛОКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ В АКТУАЛЬНОМ ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ

Новая локальная история, появившаяся в России на волне принятия исторической мыслью мирового научного опыта, на рубеже XX – XXI вв. была воспринята из британской историографии с новыми компаративными и междисциплинарными подходами, методологией и исследовательским инструментарием, заимствованными из гуманитарных и социальных дисциплин.

Британские историки уже в 60 – 80-е гг. XX в. стали обращать внимание на социальные группы и общности, вовлеченные в различные процессы, как в масштабах страны, так и на уровне локальной и региональной истории. Объектом внимания становились отдельные аспекты экономической, социальной, интеллектуальной жизни разных слоев провинциального общества в графстве, городе, приходе [17, с. 174 – 183].

В последней четверти XX в. постмодерн обнажил пределы государственной истории. Новая историографическая культура подорвала традиционное различие между тем, что представлялось «главным» в исторических исследованиях (государственная история) и тем, что считалось «периферийным» (локальная история). Поэтому в 80-х гг. XX в. локальная история, имевшая богатейшие традиции в британской историографии, переживает свое второе рождение в процессе становления «новой исторической науки» и превратилась в «локальную социальную историю».

Анализ развития локальной общности социального организма, функционирующего главным образом как естественная форма личных связей людей, предоставил социальным историкам богатые возможности для практического осуществления их стремления к целостному подходу в изучении общественной жизни прошлого на достаточно ограниченном объекте, таком, как деревня, приход, небольшой или среднего размера город. Происходило складывание «новой локальной истории», которую с соци-

альной историей роднил не столько предмет, сколько новаторские исследовательские методики [18, с. 10 – 20].

С конца XX в. дисциплинарная историография стала все четче формулировать задачу выхода исследований за национальный, узко государственный уровень. Неслучайно, раздаются призывы «спасать историю от паники» [4, р. 398]. Усиливающаяся глобальная перспектива заставляет историков рефлексировать о том, что отдельные индивиды не только части нашей, но принадлежат всему человечеству. Исторические опыты, отрицающие универсальную законность категории человечества, лишаящие других равного статуса, противоречат основам современного общества и целостности истории, поэтому традиционная история, служащая основанием знания нашей становится опасна [5, р. 13 – 38].

Как замечает М.Ф. Румянцева, «на протяжении всего двадцатого века – в рамках преимущественно цивилизационных теорий – шел поиск «умопостигаемого поля истории» (А. Тойнби) более широкого, чем государство. Однако на рубеже XX – XXI вв. возникла необходимость выявления новых «умопостигаемых полей истории», более сложных по своей структуре, многоуровневых, взаимно накладывающихся и пересекающихся. Принципиально важно подчеркнуть что, во-первых, эти новые поля могут быть как шире, так и уже по своим масштабам, чем государство, и, во-вторых, могут не совпадать ни с территорией государства или группы государств, ни с территорией имеющих иных административно-территориальных образований» [20, с. 42]. Поэтому, историки пост-постмодерна откликаясь на вызовы времени, приступив к поиску актуального коэксистенциального целого человечества, пытаются изучать исторические связи между изменяющимися пространствами, сообществами и локусами. Социокультурная ситуация заставляет осмысливать мир в единстве его многообразия на основе компаративных подходов и делает необходимым поиск – глокального и глобально-го субъектов исторического действия.

Мне уже приходилось писать, что оформившиеся в это время глобальная, транснациональная и новая локальная истории, при всем своем различии, имеют важный объединяющий принцип, – субъект исторического действия не тождественный государству. В рамках этих направлений исследователи уже не акцентировали внимание на политически ограниченных пространствах, а обращаются к негосударственным акторам истории. Историки пытаются изменить уже известные пространственно-временные структуры, чтобы по-новому организовать исторический рассказ [12, с. 181 – 182].

Можно заметить интересную тенденцию, когда, с одной стороны, историки, изучающие глобальные процессы начинают обращать больше внимание на региональные и локальные объекты, признавая, что локальные исследования получают только определенные достоинства от понимания отношений к более широким образцам и сравнениям [7, р. 43 – 45]. С